

Нет автора

Русская старина

1885. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1885. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 706 с.

ISBN 978-5-458-02798-4

ISBN 978-5-458-02798-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мѣръ англичанъ и французовъ, слѣдовавшихъ чисто реальному направленію въ наукѣ, ничто не помогало противъ обаянія и увлеченія гегелизмомъ.

Медицина того времени стояла въ Германіи на распутии.

Самая сущность этой науки препятствовала ей отдаться въ руки Гегелевой философіи, но, тѣмъ не менѣе, это философское направленіе всѣхъ наукъ того времени препятствовало и медицинѣ слѣдовать спокойно и неуклонно путемъ чистаго наблюденія и опыта.

Трансцендентализмъ былъ слишкомъ моднымъ. Даже во Франціи, и въ такой наукѣ, какъ хирургія, Лисфранкъ кричалъ во все горло о себѣ, что у него можно найти „*cette chirurgie suprême et transcendente!*“

Время моего пребыванія въ Берлинѣ было именно временемъ перехода германской медицины,—и перехода весьма быстро,—къ реализму; начиналось торжественное вступленіе ея въ рядъ точныхъ наукъ, празднуемое фанатиками реализма еще до сихъ поръ.

Но я засталъ еще въ Берлинѣ практическую медицину почти совершенно изолированную отъ главныхъ реальныхъ ея основъ: анатоміи и физиологіи. Было такъ, что анатомія и физиологія сами по себѣ, а медицина сама по себѣ. И сама хирургія не имѣла ничего общаго съ анатоміею. Ни Руссъ, ни Грефе, ни Диффенбахъ не знали анатоміи.

Руссъ, говоря однажды на своей клинической лекціи объ операціи Шопарта, сказалъ весьма наивно: „я забылъ какъ тамъ называются эти двѣ кости стопы: одна выпуклая какъ кулакъ, а другая вогнутая въ суставъ; такъ вотъ отъ этихъ двухъ костей и отнимается передняя часть стопы“.

Грефе, при большихъ операціяхъ, приглашалъ всегда профессора анатоміи Шлемма и, оперируя, справлялся постоянно у него: „не проходитъ ли тутъ стволъ или вѣтвь артерій?“

Диффенбахъ просто игнорировалъ анатомію и подшучивалъ надъ положеніемъ разныхъ артерій. Опасеніе повредить надчревную артерію при грыжахъ считалъ праздною выдумкою. „*Das ist ein Hirngespennst!*“ говорилъ онъ своимъ ученикамъ про надчревную артерію (a. epigastrica).

Мало этого, Диффенбахъ до такой степени былъ чуждъ по-

верхностныхъ анатомическихъ понятій, что однажды послалъ Иог. Мюллеру кусочекъ, вырѣзанный имъ изъ языка у зайки, прося, чтобы Мюллеръ опредѣлилъ какой это мускулъ?

О профессорахъ терапіи и патологіи, о клиницизмѣ по внутреннимъ болѣзнямъ—и говорить нечего.

Объективный экзаменъ при постели больного почти не существовалъ у терапевтовъ; постукиваніе и послушиваніе употреблялось болѣе какъ *desoign*.

Вскрытіе труповъ сами профессора не дѣлали и не присутствовали при нихъ, да и присутствіе ихъ тамъ ни къ чему бы не повело, при ихъ полномъ незнаніи патологической анатоміи.

Однажды я увидѣлъ въ рукахъ у студента, вскрывавшаго трупъ, довольно замѣчательный образецъ аневризмы легочной артеріи, впрочемъ, плохо вырѣзанной изъ трупа; я обратилъ вниманіе студента на рѣдкость случая и посоветовалъ ему представить препаратъ профессору терапіи Горну (*Horn*), въ клиникѣ котораго находился предъ смертью страдавшій аневризмомъ.

— „Да что же тутъ нашъ Горнъ пойметъ?“ отвѣчалъ наивно студентъ.

Изъ всѣхъ занимавшихся стетоскопомъ былъ только одинъ молодой человѣкъ, д-ръ Филипсъ, предлагавшій себя и для *privatisimum*, но охотниковъ не являлось.

Патологическая анатомія, въ современномъ смыслѣ и даже въ смыслѣ тогдашней французской школы, существовала въ Германіи только въ одномъ университетѣ—вѣнскомъ. Во всѣхъ другихъ университетахъ профессора патологической анатоміи ограничивались изложеніемъ и классификаціей разнаго рода уродствъ и самъ Иог. Мюллеръ въ Берлинѣ, въ первое время, читая патологическую анатомію, ограничивался этимъ изложеніемъ.

Впрочемъ, я засталъ уже Фроріена въ Берлинѣ, недавно сюда приглашеннаго. При такомъ научномъ направленіи о точной и правильной діагностикѣ не могло, конечно, быть и рѣчи. Нѣмцы съ пренебреженіемъ отзывались тогда о французскихъ врачахъ, говоря, что это не врачи, а только діагносты.

Признаюсь, въ этомъ упрекѣ много правды.

Но нѣмцы не предвидѣли, что чрезъ нѣсколько лѣтъ этотъ упрекъ можетъ коснуться и ихъ самихъ.

И вотъ, въ это время являются на сцену: Иог. Мюллеръ въ

Берлинѣ, братья Веберы въ Лейпцигѣ, Шенлейнѣ, бѣжавшій по политическимъ дѣламъ изъ Баваріи въ Цюрихъ, и Рокитанскій—въ Вѣнѣ.

Юг. Мюллеръ даетъ новое, или по крайней мѣрѣ забытое послѣ Галлера, направленіе физиологіи. Микроскопическія изслѣдованія, исторія развитія, точный физическій экспериментъ и химическій анализъ владутся Мюллеромъ въ основы германской физиологіи.

Владычество Мюллера въ физиологіи, обильное богатыми результатами, потомъ, какъ царство Александра Македонскаго, распадается на нѣсколько областей, управляемыхъ его полеводцами. Это и не могло быть иначе; но было время, когда Юг. Мюллеръ властвовалъ почти одинъ въ этой области знанія. Только братья Веберы раздѣляли съ нимъ власть нѣкоторое время.

Цюрихская клиника Шенлейна гремѣла тогда на всю Германію славою гениальнаго врача, соединившаго реальное направленіе съ смѣлыми теоріями, не даромъ же господствовавшими такъ долго въ умахъ передовыхъ врачей. Не прошло потомъ и двухъ лѣтъ, какъ Шенлейнъ былъ уже приглашенъ изъ Цюриха въ Берлинъ. Не многіе изъ передовыхъ дѣятелей этой науки заслуживали себѣ такое имя, какъ Шенлейнъ, не оставивъ послѣ себя ни одного сочиненія, кромѣ небрежно составленныхъ учениками лекцій.

Братья Веберы въ Лейпцигѣ избрали самостоятельно тотъ же самый путь, какъ и Мюллеръ. Но труды ихъ едва ли не превосходятъ точностію результатовъ и сама работы Мюллера. Особенно гениаленъ былъ братъ физикъ (потомъ профессоръ физики въ Геттингенѣ). Никогда я не видалъ человѣка, у котораго высшій умъ и необыкновенно научныя достоинства вмѣщались въ такомъ невзрачномъ тѣлѣ, какъ у этого брата Вебера. Наконецъ, Вѣна была въ 1830-хъ годахъ единственнымъ мѣстомъ въ цѣлой Германіи, въ которомъ патологическая анатомія изучалась на дѣлѣ, т. е. чрезъ вскрытіе труповъ, подъ руководствомъ опытнаго наставника (Рокитанскаго). Но объ этомъ мало знали или, вѣрнѣе, этимъ мало интересовались въ Германіи и только иностранцы ѣхали въ Вѣну для изученія патологической анатоміи.

Въ первомъ же семестрѣ я записался у Шлемма для упражненій надъ трупами (*privatim*) и для упражненія въ хирургическихкихъ операціяхъ надъ трупами (*privatissimum*); у Руста на клинической лекціи въ *Charité*, у Грефе какъ практикантъ въ его клиникѣ (*Ziegel-Strasse*), въ глазной клиникѣ въ *Charité* и у Диффенбаха *privatissimum* изъ оперативной хирургіи. Нѣкоторыя изъ этихъ лекцій, какъ напр. *privatissimum* Диффенбаха, я отсрочилъ до слѣдующаго (зимняго) семестра. Эти же самыя занятія продолжались и всѣ остальные семестры моего пребыванія въ Берлинѣ. Только иногда улучалъ я госпитировать, т. е. быть гостемъ и на другихъ лекціяхъ.

Съ перваго же раза я, еще молокососъ (23 лѣтъ), и пожилой проф. Шлеммъ полюбили другъ друга. Онъ видѣлъ во мнѣ иностранца, любившаго его любимыя занятія и притомъ знавшаго многое изъ той части анатоміи, которою онъ мало занимался. Онъ очень хвалилъ мои работы тазовыхъ и паховыхъ фасцій, артеріальныхъ влагалищъ и проч.

Шлеммъ былъ первостепенный техникъ; его тонкіе анатомическіе препараты (сосудовъ и нервовъ) отличались добросовѣтностію и чистотою отдѣлки. Онъ мнѣ рассказывалъ о своемъ знаменитомъ спорѣ съ Арнольдомъ. Шлеммъ не вѣрилъ въ открытіе ушного узла (*gangl. oticum*) Арнольда и считалъ этотъ узелокъ за простую клѣтчатку. Арнольдъ прислалъ ему свой препаратъ съ ушнымъ узломъ. Шлеммъ, разбирая этотъ аппаратъ, открылъ своимъ косымъ и острымъ глазомъ на мѣстѣ узелка тоненькую шелковину, связывавшую его съ нервною вѣточкою. Пошли пререканія и только Юг. Мюллеръ, пользовавшійся полнымъ уваженіемъ Шлемма, уладилъ споръ, доказавъ Шлемму микроскопомъ, что узелокъ былъ дѣйствительно нервный, а шелковинка была употреблена Арнольдомъ для прикрѣпленія случайно оторвавшейся отъ узелка нервной вѣточки.

Шлеммъ былъ не только превосходнымъ техникомъ по анатоміи, но и отлично оперировалъ на трупахъ. На живомъ онъ никогда не оперировалъ, вѣроятно, слѣдуя галлеровскому: „*ne possem veritus*“. Ровный, всегда спокойный и положительный, Шлеммъ былъ очень любимъ. Можно бы было его раздѣловать за его спокойное и привѣтливое: „*sehen Sie wohl*“, которымъ

онъ начиналъ каждую рѣчь. „Sehen Sie wohl, meine Herren“ еще и теперь пріятно звучитъ въ моемъ воспоминаніи.

Я, не смотря на близкое знакомство съ Шлеммомъ, и проводя съ нимъ ежедневно по нѣсколько часовъ, никогда не видалъ его взволнованнымъ и сердитымъ.

Я удивился однажды, съ какою неподражаемою флегмою отдѣлалъ онъ одного молодого целлопера, сына довольно зажиточнаго торговца виномъ, пріѣхавшаго къ Шлемму съ письмомъ отъ отца изъ провинціи. Шлеммъ прочиталъ письмо и, нисколько не стѣсняясь, преспокойно далъ слѣдующій отвѣтъ: „sehen Sie wohl—то, о чемъ проситъ вашъ отецъ, я готовъ исполнить. Онъ проситъ, чтобы я допустилъ васъ къ слушанію моихъ лекцій безъ гонорара и сверхъ того попросилъ еще и моихъ товарищей, чтобы они дозволили вамъ слушать у нихъ курсы безденежно. Хорошо, я согласенъ; но въ такомъ случаѣ попрошу и вашего батюшку, чтобы онъ мнѣ отпустилъ вино изъ своего магазина даромъ, а сверхъ того попросилъ бы и своихъ товарищей отпустить даромъ“.

Шлеммъ и Мюллеръ работали въ одномъ и томъ же зданіи (старомъ анатомическомъ театрѣ), никуда негодномъ, въ послѣдствіи замѣненномъ новымъ анатомическимъ театромъ, подъ дирекцію моего хорошаго пріятели Рейхердта. Я часто видалъ тамъ Мюллера и окружавшую его плеяду: Генле, Свана и другихъ.

Курсъ физиологіи у Мюллера мнѣ не удалось выслушать: часы совпадали съ клиниками, а я не хотѣлъ пожертвовать ни одною. Впрочемъ, необходимо бы было посѣтить преимущественно тѣ лекціи, на которыхъ Мюллеръ демонстрировалъ на животныхъ (преимущественно на лягушкахъ) и подъ микроскопомъ; все другое можно было прочесть потомъ въ его физиологіи.

Изъ его опытовъ надъ лягушками всего болѣе надѣлалъ въ то время шума опытъ, подтверждавшій несомнѣнно открытыя Ш. Беля различныя функціи двухъ нервныхъ корней (передняго и задняго). По мнѣнію Мюллера никакой опытъ надъ теплокровнымъ животнымъ (разъ это дѣлали до него и другіе) не можетъ такъ ясно показать двѣ различныя функціи (чувствительную и двигательную) спинныхъ нервныхъ корней, какъ опытъ надъ лягушкою. Дѣйствительно, до Мюллера, по

крайней мѣрѣ въ Германіи, никто не вѣрилъ положительно въ знаменитое открытіе Ш. Беля.

Мюллеръ былъ весьма разсчетливъ на своихъ лекціяхъ: онъ никого не допускалъ посѣщать ихъ, не внося гонорара (весьма значительнаго по тогдашнему времени), и, читая лекцію, зорко слѣдилъ за каждымъ входящимъ въ аудиторію. Однажды, онъ вдругъ встаетъ съ кафедры и, подошедъ къ только что вошедшему посѣтителю, громко спрашиваетъ его: „а имѣете входной билетъ, покажите!“ Билета не оказалось и посѣтитель долженъ былъ ретироваться, а служитель у входа, отбирившій билеты, былъ удаленъ.

Физиономіи Шлемма и Мюллера означали, съ перваго же взгляда на нихъ, два различныхъ характера,—луна и солнце. Круглое, широкое, спокойное лице Шлемма смотрѣло на васъ полною луною. Лице Юг. Мюллера поражало васъ своимъ классическимъ профилемъ, высокимъ челомъ и двумя межбровными бороздами, придававшими его взгляду суровый видъ и дѣлавшими нѣсколько суровымъ пронизательный взглядъ его выразительныхъ глазъ. Какъ на солнце, неловко было новичку смотрѣть прямо въ лице на Мюллера.

Клиники Руста въ Charité считались тогда молодыми нѣмецкими врачами едва ли не самыми образцовыми въ цѣлой Германіи. И, дѣйствительно, Рустъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, наиболѣе реалистъ между врачами тогдашняго времени. Онъ хотѣлъ основать свою діагностику исключительно на однихъ объективныхъ признакахъ болѣзни, и потому требовалъ въ своей клиникѣ отъ практикантовъ, прежде разспроса больного объ анализѣ и субъективныхъ признакахъ, изслѣдованія того, что можно видѣть и осязать собственными чувствами. Принципъ превосходный. Разспросы и рассказы больного, особливо необразованнаго, не рѣдко служатъ, вмѣсто раскрытія истины, къ ея затемнѣнію. Но медицина, не говоря уже о временахъ Руста, и до сихъ поръ не владѣетъ еще такимъ запасомъ надежныхъ физическихъ или органическихъ, т. е. объективныхъ, признаковъ, на который можно бы было положиться, не прибѣгая къ разспросамъ больного и не полагая ихъ въ основу распознаванія. И вотъ, Рустъ въ своей самонадѣянности, при маломъ запасѣ вѣрныхъ физи-

ческихъ признаковъ болѣзней, поневолѣ допускалъ цѣлую кучу мечтательныхъ.

Не имѣя, по тогдашнему состоянію паталогической анатоміи, прочной органической почвы подъ ногами, Рустъ ввелъ въ діагностику весьма сомнительные признаки и различія болѣзней по дискразіямъ и помѣсямъ дискразій. „Rheumatischer, arthritischer, scrophulöser Natur“,—эти эпитеты постоянно слышались при опредѣленіи болѣзней въ клиникѣ Руста. Мало этого, Рустъ, изъ привязанности къ своему принципу: pro majore (non Dei, sed Rustii) gloria, прибѣгалъ въ своей клиникѣ къ шарлатанству. Его ординаторы (Stabsärzte) доносили ему до клинической лекціи о свойствахъ болѣзней вновь поступившихъ больныхъ, а онъ діагностицировалъ потомъ передъ слушателями, какъ будто бы по однимъ объективнымъ признакамъ, и попадалъ иногда въ просакъ. Однажды ординаторъ Руста доложилъ ему о поступленіи двухъ больныхъ въ Charité: одного съ переломомъ ключицы, а другого съ онѣмѣніемъ плеча отъ удара молніей. Вывели обоихъ ихъ въ аудиторію.

— „Что это такое?“ спрашиваетъ Рустъ у праективанта, показывая на одного изъ больныхъ, придерживающаго локоть одной руки другою.

Праективантъ хочетъ изслѣдовать.

— „Не надо тутъ изслѣдовать, восклицаетъ Рустъ, тутъ съ перваго же взгляда, par distance, можно вѣрно опредѣлить въ чемъ дѣло“.

Всѣ напрягли вниманіе, слушаютъ и смотрять.

— „Это переломъ ключицы, несомнѣнно, утверждаетъ Рустъ, это видно изъ положенія тѣла...“

Въ это время тихо подходитъ къ нему его ординаторъ и что-то шепчетъ ему на ухо.

— „Гм... гм... спохватился Рустъ, да это вотъ тотъ больной, другой, а этотъ парализованъ отъ удара молніей“.

Если бы въ то время было дозволено посѣщеніе больныхъ слушателями въ самыхъ палатахъ Charité, то вѣрно діагностические промахи всплывали бы гораздо чаще наружу; а то учреждено было такъ, что вновь поступившаго больного присылали въ клиническую аудиторію; здѣсь опредѣляли болѣзнь, назначали леченіе, потомъ уносили больного и о немъ ни слуха, ни духа.

Но не смотря на эти предосторожности, случалось все-таки не очень рѣдко, что язва, опредѣленная Рустомъ по всѣмъ правиламъ его знаменитой гелкологіи (Helcologie), т. е. по всѣмъ объективнымъ признакамъ, какъ несомнѣнно артритическія (ulcus arthriticum), изъ разспросовъ больного оказывалась безъ всякихъ другихъ признаковъ артритизма. Это не мѣшало, однако же, признавать такую язву и лечить ее, какъ артритическую, на томъ основаніи, что другіе нападенія подагры могутъ появиться впоследствии.

Ходить, между прочимъ, еще одинъ забавный *qui pro quo* изъ рустовской клиники, вѣроятно выдуманный (*e bene trovato*).

Сынъ Руста, молодой докторантъ, ограниченный до глупости, записанный въ практиканты, получилъ для опредѣленія болѣзни вновь поступившаго въ *Charité* старика, страдавшаго большою кровоточивою (вѣроятно, варикозною) язвою на ногѣ.

По рустовской гелкологіи, такая язва непременно должна была быть геморроидальною; между тѣмъ, молодой Рустъ ломаетъ себѣ голову; старый Рустъ хочетъ вывести сына изъ затрудненія и помогаетъ ему въ діагнозѣ разными намеками. Ничто не помогаетъ. Наконецъ, старый Рустъ говоритъ сыну:

— „Да вспомни, чѣмъ твой отецъ такъ часто страдалъ въ жизни; по его обычной болѣзни назови и эту язву на ногѣ“.

— *Ulcus syphiliticum!* вдругъ выпалилъ сыновъ.

— „*Schafskopf!*“ (болванъ!) пробормоталъ отецъ и вызвалъ другого практиканта.

Не смотря на всѣ эти недостатки, Рустова способъ діагноза, былъ въ то время такъ привлекателенъ своею кажущеюся положительностію и точностію, что принять былъ и другими клиницистами. Я и самъ, признаюсь, въ первые годы моей клинической дѣятельности въ Дерптѣ, держался этого способа и увлекалъ имъ молодежь. И теперь, когда объективизмъ въ медицинѣ сдѣлался гораздо точнѣе и надежнѣе, предварительный діагнозъ по однимъ объективнымъ признакамъ, до разспроса больного, я считаю болѣе надежнымъ; ни кому, однако же, изъ молодыхъ врачей не посоветую основываться на этомъ одномъ предварительномъ распознаваніи болѣзни, считая необходимымъ, послѣ разспроса и рассказовъ больного, снова повторить свой

объективный діагнозъ, нерѣдко послѣ этихъ разспросовъ требующій еще и новаго разслѣдованія.

Русъ въ помощники себѣ въ Charité выбралъ Диффенбаха и поручилъ ему оперативную часть. Едва ли когда самъ Русъ былъ хорошимъ операторомъ; можетъ быть онъ былъ смѣлымъ, но ему не доставало ни ловкости, ни анатомическихъ свѣдѣній. Въ мое время онъ уже не оперировалъ; только однажды какъ-то, въ отсутствіи Диффенбаха, онъ взялъ ножъ въ руки для операціи большой ущемленной грыжи.

— Я вамъ покажу, сказалъ онъ слушателямъ, какъ старикъ Русъ оперируетъ,—и махнулъ смѣло ножомъ по грыжевому мѣшу.

Предполагалъ-ли онъ омертвѣніе уже кишки и хотѣлъ-ли вскрыть ее вмѣстѣ съ грыжевымъ мѣшкомъ,—не знаю; этого не зналъ никто, смотря на всю процедуру издали; но фактъ тотъ, что вслѣдъ за смѣлымъ Рустовскимъ надрѣзомъ со свистомъ вылетѣли вѣтры и ручьемъ полились испраженія. О больномъ, по обыкновенію, не было потомъ ни слуха, ни духа.

Диффенбахъ, въ то время еще не разсорившійся съ Рустомъ, шелъ въ гору. Его пластическія операціи приобрѣли ему уже тогда славу и имя. И дѣйствительно, это былъ геній самородокъ для пластическихъ операцій.

Изобрѣтательность Диффенбаха въ этой хирургической спеціальности была безпредѣльная.

Каждая изъ его пластическихъ операцій отличалась чѣмъ-нибудь новымъ, импровизированнымъ. И это необыкновенное искусство, при весьма ограниченныхъ научныхъ свѣдѣніяхъ, при полномъ незнаніи анатоміи и физиологіи! Кромѣ пластическихъ операцій, Диффенбахъ хорошо и счастливо дѣлалъ грыжесѣченія; но прочія операціи выходили у него вовсе не мастерски сдѣланными. Рассказывали, что Диффенбахъ приобрѣлъ большую ловкость въ шиваніи ранъ, бывъ долго такъ называемымъ фликеромъ (Fliesker) при студенческихъ дуэляхъ въ Кенигсбергѣ; тамъ-же онъ практиковалъ и въ берейторской школѣ. Диффенбахъ отлично ѣздилъ верхомъ.

Съ виду это былъ приземистый, широкоплечій мущина лѣтъ 40, съ умнымъ, красивымъ лицомъ, высокимъ лбомъ, римскимъ носомъ, небольшими, изъ глубины смотрѣвшими, умными гла-

зами, но очень тонкимъ и слабымъ, не соответствующимъ широко сложенной груди, голосомъ. Privatissimum Диффенбаха, стоившее дорого (4 большихъ фридрихсдора съ cadaго изъ 7—8 слушателей) было мнѣ только тѣмъ полезно, что доставило мнѣ случай видѣть нѣсколько замѣчательныхъ (и тогда еще новыхъ) пластическихъ операций; а все другое излагавшееся намъ Диффенбахомъ на этомъ privatissimum не стоило и выѣденнаго яйца. Онъ показавъ нѣсколько своихъ пластическихъ операций на трупѣ, мяля по обыкновению и выпуская изъ горла намъ, и то неохотно, одно слово за другимъ; въ ораторы онъ не годился. Его надо было видѣть какъ оператора-специалиста, но не слушать, что онъ говорить.

Съ Греффе, а потомъ и съ Рустомъ, Диффенбахъ былъ на ножахъ.

Съ Греффе потому, что это былъ человекъ совершенно другой масти, а съ Рустомъ потому, что тотъ не давалъ ему хода въ Charité, да къ тому еще на консултациі у барона фонъ-Альтенштейна, болѣвшаго карбункуломъ, Рустъ (самъ) перемѣнилъ, безъ всякихъ объясненій съ другими врачами, способъ леченія, сказавъ Диффенбаху, какъ бы въ извиненіе своей неучтивости: „Sie sind doch meine Leute“ ¹⁾, на что Диффенбахъ замѣтилъ: „ich bin kein Leibeigener“ ²⁾.

Послѣ ссоры, Диффенбахъ при насъ ругалъ иногда Charité на чемъ свѣтъ стоитъ:

— „Das ist eine Mordgrube“ ³⁾,—и онъ былъ правъ.

Charité во все время нашего пребыванія было резервуаромъ госпитальной нечисти (госпитальнаго антонова огня) и гнойнаго зараженія.

Да и долго спустя послѣ того, въ 1864 году, при посѣщеніи клиники профессора Кюнкена въ Charité, госпитальная нечисть не исчезла; Jungken, для предохраненія отъ нея, прижигалъ еще свѣжія раны послѣ операций раскаленнымъ желѣзомъ. При мнѣ послѣ извлеченія большого секвестра изъ бедровой кости, онъ прижегъ все душло, изъ предосторожности, раскаленнымъ желѣзомъ.

И самому Русту не мало тогда доставалось отъ Диффенбаха.

¹⁾ Вы все таки мои люди.

²⁾ Я вовсе не крѣпостной.

³⁾ Это могилы.